МИЛОСТЫНЯ.

а дѣтскомъ вечерѣ у Софьи Васильевны, помимо дѣтей, собрались гости; они толкуютъ о трудныхъ временахъ, о неурожаяхъ, о пожарахъ и тому подобномъ. Между дѣтьми замѣтно особое оживленіе: дѣвочки и мальчики о чемъ–то спорятъ, шумятъ, чуть не ссорятся.

Бабушка, охотница до дѣтскихъ забавъ, вышла къ нимъ въ залу; какъ только внучата завидѣли ее, то мигомъ обступили.

— Бабушка, бабушка! кричали они, — бабушка, мы къ тебѣ на судъ, говорилъ Сережа.

Старушка взглянула на шумную толпу; за внучатами стояли дѣвочки и мальчики разнаго возраста; тутъ было много Сережиныхъ однолѣтковъ, и даже постарѣе его.

— Я также хочу къ бабушкѣ, пищала маленькая Мери, продираясь сквозь толпу.

Старушка поймала протянутую вверхъ ручонку ея, и притянула къ себѣ дѣвочку,

которая мигомъ взлѣзла къ ней на колѣни, и усѣлась, прижавшись къ старушкѣ. Лицо дѣвочки разгорѣлось, жилки на шеѣ такъ и бились; обнявъ ребенка, бабушка спросила, глядя на неугомонную толпу: — «Ну, что у васъ тутъ случилось необыкновеннаго?»

Поднялось было нѣсколько голосовъ, но Мери схватила бабушку за обѣ щеки и, цѣлуя ее, торопливо приговаривала: — «Я тебѣ все разскажу про нихъ, да, все, продолжала она, кивая головой на мальчиковъ, — они всѣ кричатъ на насъ, и насмѣхаются, и Серёжа также,» прибавила она въ негодованіи, укоризненно глядя на своего любимца.

— Да постой же, Мери, дай мнѣ разсказать, просилъ Серёжа.

— Нѣтъ, я сама разскажу, ты гадко говоришь, кричала она, чуть не плача и отмахиваясь отъ брата.

Серёжа, наклонясь къ ней, тихонечко прогоготалъ гусемъ. Это ненавистное: «га, га, га,» было для Мери то же, что стружки на полымя; дѣвочка вспыхнула и замахнулась на брата, — она терпѣть не

могла, когда за вспыльчивость её звали гусыней.

Серёжа схватилъ ея ручонки, сложилъ ихъ у нея на груди, и сказалъ вполголоса: — Бабушка, ты подержи лебяжьи крылышки, а я пока разскажу въ чемъ дѣло.

Собственное сознанiе вины и строгiй взглядъ бабушки быстро успокоили вспыльчивую дѣвочку; глубоко вздыхая, отклонилась она назадъ, и прислонясь къ бабушкѣ, стала изъ–подлобья прислушиваться къ словамъ Серёжи.

— Видишь ли что, бабушка, о чемъ наши толки, началъ Серёжа — вотъ онѣ, при этомъ мальчикъ кивнулъ головой на дѣвочекъ, — онѣ собираются плясать въ пользу погорѣлыхъ, а я говорю…

— И мы, и мы также говоримъ, раздались въ толпѣ голоса.

— Мы говоримъ, что глупо подавать подаянiе пляской, что можно и такъ собрать складчину!

— А много ли собрали вы такъ? живо спросила Аля.

— Много ли собрали! Да развѣ съ вами соберешь, заговорили опять въ толпѣ. Напримѣръ, ты Аля, ты дала что нибудь?

Дѣвочка вспыхнула отъ нескромнаго вопроса, и отворачиваясь коротко отвѣчала: — Дала! На минуту всѣ затихли.

Между дѣтьми начались опять неясные толки: — «Она дала, Аля дала!»

— Ну что же, ну она одна и дала!

— Да еще много ли дала–то, послышался чей–то непріятный голосъ.

Это замѣчанье еще глубже задѣло дѣвочку, чѣмъ первый вопросъ; — но она промолчала. Много ли дала! отдавалось у нея въ ушахъ — и, какъ бы въ утѣшенье, мелькнуло въ мысляхъ у нея недавнее воспоминанье, какъ она вбѣжала къ отцу, чтобы передать ему лепту свою, и будто опасаясь, чтобы не возвратили ей части денегъ, вытряхнула все, что было на столъ; и какъ отецъ, молча глядя на дочь, собираетъ гривеннички и пятиалтынные. Волненье Али прошло; глубоко вздохнувъ, подняла она глаза и встрѣтила передъ собою такой же задумчивый, добрый

взглядъ, каковъ былъ отцовскій: на нее смотрѣла бабушка, которая молча присматривалась и прислушивалась къ дѣтскимъ горячимъ бесѣдамъ. Тихая улыбка заиграла въ одну минуту на аломъ личикѣ ребенка и на блѣдномъ обликѣ старушки.

Грубыя слова мальчика вызвали общее дѣтское негодованье, сочувствіе же къ Алѣ выразилось объятіями и поцѣлуями маленькой Мери. — «Аля хорошая,» сказала малютка, потянувшись къ ней, и обвилась ручонками вокругъ ея шеи.

Наконецъ бабушка спросила: «Что же ты хотѣлъ мнѣ сказать, Серёжа?»

Мальчикъ, помня еще рѣзкость своихъ товарищей противъ Али, старался нѣсколько удержаться въ своихъ выраженьяхъ, и началъ такъ: «Мы не соглашаемся съ сестрами, мы говоримъ, что не надо давать баловъ и ужиновъ для того, чтобы собрать деньги для погорѣвшихъ.»

— Ахъ Серёжа! закричали дѣвочки, — да кто же говоритъ о балахъ? мы сговаривались устроить розыгрышъ!

— Какъ, какъ? зашумѣла и заволновалась толпа, а Ниночка–то что сказала?

— Что же я сказала? спросила чванная дѣвочка, жеманясь и подергивая губами.

— Нина Марковна желаютъ при семъ случаѣ устроить для себя небольшую потѣшку, шутливо сказалъ задорный Володя, родственникъ Ниночки. Всѣ расхохотались.

Ниночка сердито посмотрѣла на брата. — «Что же, сказала она, я не одна, и другіе того же желаютъ; Коко говоритъ, что нуженъ непремѣнно ужинъ; впрочемъ, прибавила она голосомъ взрослой дѣвушки: кажется танцы никому не мѣшаютъ!»

— Бабушка, милая, ты послушай, только послушай! упрашивалъ, сжимая свои руки, Серёжа, которому вообще все неестественное было противно, а ломаная Ниночка особенно не нравилась. Ну послушай, развѣ это не обезьянство!

— Есть что слушать! вмѣшался Володя, чего ждать отъ мыльнаго пузыря, кромѣ мыльной пѣны…

Бабушка не любила пустыхъ перекоровъ, при коихъ и дѣти, и взрослые всегда отклоняются отъ дѣла, и она спросила: — «Да вы, дѣтки, скажите каждый, кто чего хочетъ?»

— Ахъ, бабушка, да мы всѣ хотимъ разнаго; напримѣръ мы, мальчики, — при этомъ Серёжа указалъ на нѣкоторыхъ товарищей, — мы хотимъ безъ всякихъ околичностей сложиться и отдать, что можемъ, деньгами; сестры хотятъ сдѣлать лотерею, другія желаютъ устроить балъ и ужинъ въ пользу бѣдныхъ.

— Нѣтъ, не въ пользу бѣдныхъ, а въ свою пользу, перебило Серёжу нѣсколько голосовъ.

— Постойте, дѣти, дайте кончить, замѣтила бабушка.

— Да я уже кончилъ, сказалъ Серёжа.

— Бабушка, позволь теперь, я скажу, попросила Аля, и не дожидаясь отвѣта, спросила старушку: — развѣ розыгрышъ нашъ помѣшаетъ мальчикамъ собрать деньги и приложить ихъ къ нашей выручкѣ? У насъ у всѣхъ есть свои деньги, но всѣ мы

сможемъ потрудиться и сработать что нибудь для розыгрыша, и это веселѣе!

— Да, а потомъ станете навязывать свои билеты встрѣчному и поперечному, заговорило нѣсколько голосовъ. — Ужь эти лотереи, да балы на–показъ, на похвальбу, — терпѣть ихъ не могу! замѣтилъ другой.

— Да, дѣти, въ вашихъ словахъ есть правда, сказала бабушка, поворачиваясь туда, гдѣ говорили; — вы хотите милостыни прямой, безъ натяжки, это очень хорошо, и я думаю, что сговорясь можно устроить по вашему, т. е. такъ, что всѣ будете довольны. Всѣмъ вамъ хочется одного: собрать денегъ на помощь бѣднымъ; мальчики приступаютъ къ этому прямо складчиной, а дѣвочкамъ хотѣлось бы приложить свой трудъ, свою работу. Что же, друзья, примите и эту помощь; вы можете оговорить, чтобы билетовъ не навязывали, чтобы ихъ раздавали только въ своей семьѣ или тѣмъ, кто самъ станетъ просить; вы можете даже условиться, чтобы при лотереѣ не было ни бала, ни ужина.

— Ну это пожалуй, на это можно согласиться! заговорило большинство.

Какъ только Миша услыхалъ это рѣшенье, такъ заплясалъ отъ радости, и бросился обниматься съ сестрами; ему нравилась мысль о лотереѣ, но онъ очень боялся прозванія дѣвочки, и потому молча присталъ къ мальчикамъ.

— Ниночка! вашъ дивертиссементъ — при этомъ Володя дунулъ и провелъ рукой по воздуху, — улетѣлъ!

— Володя, да отвяжитесь! сердито сказала Ниночка, выходя изъ толпы и направляясь къ дверямъ гостиной.

Другіе изъ мальчиковъ, что были позадорнѣе, раскланивались съ толстогубымъ, краснощекимъ Коко, поздравляя его съ отмѣною ужина.

— Чтожъ, вамъ же хуже! отвѣчалъ тотъ, не совсѣмъ понимая чему радуются товарищи его.

— Что–же сработаешь ты для розыгрыша, крошка моя? спрашивала бабушка у Мери.

Мери поджала локотки, оперлась ими о колѣни и начала такъ: — «Я, бабусенька, шить не очень умѣю, и чулочекъ вязать также не очень умѣю: когда сбавляю, то все у меня спускается петелька, — а я вотъ что сдѣлаю: я свяжу тамбуромъ салфеточку на чайникъ!»

— Мери, душечка, не берись за эту работу! просилъ Серёжа.

— Отчего? сказала дѣвочка съ удивленьемъ закидывая голову.

— А помнишь, какъ ты путала да распускала, какъ вязала къ маминому рожденью; ты вѣдь почти каждый день плакала надъ работой, сказалъ Алёша.

Дѣвочка опустила головку, подумала, потомъ какъ бы ободрясь, весело взглянула на брата и сказала: — «Да, это правда, но я все–таки ее кончила! а тогда я еще была маленькая,» чинно выпрямляясь прибавила Мери.

— Меринька, началъ было жалобно уговаривать её Серёжа....

— Вяжи, вяжи крошка моя, перебила бабушка, съ любовью потрепавъ внучку, —

а я все стану думать, да желать, чтобы твоя салфеточка мнѣ досталась.

Послѣ долгихъ поцѣлуевъ благодарности за изъявленное желанье, дѣвочка соскочила съ колѣнъ ея, и хлопая въ ладоши, побѣжала разсказывать сестрамъ, что она свяжетъ салфеточку, которая непремѣнно достанется душкѣ–бабушкѣ!

Оставшись съ Серёжей почти глазъ на глазъ, старушка спросила: «Ну что, дружокъ, помнишь нашъ разговоръ о томъ, какое дѣло лучше, то ли что легче или то, что труднѣе?»

Серёжа молча смотрѣлъ на бабушку; бывшій разговоръ ихъ о заслугѣ началъ передъ нимъ выясняться.

— Что легче, продолжала бабушка, — отдать ли бѣднымъ деньги, или, отдавъ ихъ, потрудиться еще, какъ твоя сестричка?

— Разумѣется ея дѣло потруднѣе, но послушай, бабушка, сказалъ Серёжа, обнимая одной рукой старушку, — такъ какъ ты разсудила, конечно сборъ и лотерея вмѣстѣ будутъ лучше...

— А зачѣмъ же вы, дѣтки, не разсуждаете, сказала старушка, собирающимся опять около нея мальчикамъ. Привыкайте обдумывать и обсуждать каждую вещь, и тогда уже осуждать ее, а то каждый кричитъ свое, не думая выслушать другаго.

— Когда я только услышу про эти благодѣянія на показъ, сказалъ Володя, тряся курчавой головкой, — то мнѣ дѣлается такъ досадно... мальчикъ не договорилъ, боясь строгаго замѣчанья бабушки, которая слушала, задумчиво глядя на дѣтей; она высоко чтила проблески внутренняго голоса, которые такъ рѣдко мелькаютъ въ насъ въ видѣ безсознательнаго отвращенья отъ зла, старушка и теперь видѣла ихъ, но осуждала дѣтей за рѣзкость и грубость, потому что слышала не совсѣмъ приличныя слова: жадные, обжоры и тому подобныя выраженья.

— Развѣ не досадно слушать, что милостыню хотятъ подавать ногами! продолжалъ Володя.

Бабушка усмѣхнулась на это выраженье, но прибавила: «Не осуждайте всѣхъ безъ разбору — есть люди очень достойные, которые, желая увеличить помощь, прибѣгаютъ къ разнымъ приманкамъ. Ихъ вы конечно не осудите, сказала старушка, — а осудите ли тѣхъ, которые скрѣпя сердце, изъ одного послушанія, ѣдутъ и пляшутъ поневолѣ?»

— Нѣтъ! закричали дѣти, — тѣмъ должно быть очень скучно!

— Вотъ видите, мы и дошли до того, что нельзя безусловно осуждать того, чего не знаемъ; знаетъ же сердце человѣка одинъ Господь, который говоритъ, предостерегая насъ: Не осуждайте, да не осуждены будете; но про себя знайте: та милостыня лучше всѣхъ, про которую никто не знаетъ, о которой Господь учитъ, говоря: чтобы лѣвая рука твоя не знала, что подаетъ правая; на этомъ приказаніи предки наши основали свой обычай подавать тайную или тихую милостыню, и обычай этотъ донынѣ сохранился у насъ въ народѣ: — крестьянинъ подаетъ свою милостыню,

высовывая руку въ оконце, такъ чтобы берущій и не видалъ его въ лицо. Но и подавать надо съ разборомъ; теперь совѣтуйтесь объ этомъ со старшими, а когда подростете, то сами въ себѣ станете обдумывать, во–первыхъ свои средства, во–вторыхъ нужду бѣднаго, а затѣмъ уже рѣшите, что можете дать, и въ какомъ видѣ полезнѣе будетъ милостыня ваша.

— Какъ, въ какомъ видѣ? спросили мальчики въ голосъ.

— Не всегда, друзья мои, удобно подавать деньгами, случается попадать имъ въ ненадежныя руки, и тогда большая часть уходитъ не на семью, а въ кабакъ; въ такомъ случаѣ лучше дать хлѣбомъ, одеждой, дровами и тому подобными, необходимыми вещами.

— Бабушка, бабушка! кричалъ подбѣгая раскраснѣвшійся Миша, — а мою работу ты возьмешь?

— Возьму, если хорошо сработаешь.

— И мою, кричала Саша, стоявшая за братомъ, — и Лизину возьмешь, бабушка?

— Охъ, постойте, дѣти, вы меня спутали: какъ же я могу взять ваши работы? вѣдь онѣ будутъ разыгрываться, и стало быть достанутся тому, кому посчастливится.

Дѣти опѣшили. — «А вотъ что, бабушка, я надумалъ, сказалъ Миша — нельзя ли такъ устроить, чтобъ наши работы всѣ тебѣ достались?»

Старушка посмотрѣла на Мишу, понимаетъ ли онъ, что говоритъ, и достала изъ кармана конфетку, потомъ взяла носовые платки у дѣтей и велѣла троимъ, Сашѣ, Мишѣ, и Лизѣ стать рядомъ, повернувшись къ ней спиной, сама же положила конфетку на столъ, поближе къ Мишѣ, и накрыла ее платкомъ, а остальные два платка положила рядомъ другъ около дружки; потомъ, подозвавъ дѣтей, велѣла имъ взять любой платокъ, сказавъ, что подъ однимъ изъ нихъ лежитъ конфетка, и что кому она достанется, тотъ можетъ ее съѣсть.

Мальчики обступили дѣтей и съ видимымъ любопытствомъ поджидали конца шутки.

Миша, схвативъ ближайшій къ нему платокъ, тотчасъ же нащупалъ подъ нимъ конфетку, и радостно вскрикнулъ, хотѣлъ уже воспользоваться своимъ выигрышемъ, какъ бабушка остановила его, сказавъ: «Постой, Миша, мнѣ хочется, чтобы конфетка досталась Лизѣ, пусть она возьметъ этотъ платокъ.»

— Бабушка, закричалъ удивленный мальчикъ, вѣдь ты позволила выбирать! вѣдь ты сказала: кому достанется, того она и будетъ!

— Сказала, отвѣтила старушка, — и это обыкновенный порядокъ розыгрыша: чье счастье, тотъ и выигрываетъ; но мнѣ хочется, чтобы Лиза выиграла, такъ хочется вамъ, чтобы я выиграла ваши работы!

Старушка хотѣла заставить внука понять сердцемъ правду и неправду, потому–то она и дала ему испытать это на себѣ самомъ.

— Бабушка, да этого нельзя, говорилъ чуть не со слезами обиженный Миша.

— Ну, если того нельзя, чтобы Лиза по моему желанью выиграла конфетку, такъ

стало быть нельзя и мнѣ выиграть вашихъ работъ, потому что вамъ такъ хочется! — Миша стоялъ въ раздумьи.

— Да развѣ ты не понимаешь, сказалъ кто–то изъ мальчиковъ, — что выигрываетъ тотъ кому достанется, а дать выиграть кому самъ захочешь значитъ сплутовать, обмануть?

— Да это–то я понимаю, говорилъ Миша, ласкаясь къ старушкѣ, — плутовать я не хочу — а все–таки мнѣ бы очень хотѣлось, чтобы моя работа досталась бабушкѣ!

— И тебѣ хочется, и другимъ того же хочется, продолжала старушка, — такъ какъ же тутъ быть? Развѣ вотъ что: вмѣсто розыгрыша, мы объявимъ продажу съ молотка; тогда всякъ воленъ выбирать, что ему понравится, другой можетъ перебивать его, набавляя цѣну, и кто больше дастъ, тому вещь и достанется!

Дѣти пришли въ неописанный восторгъ; прыгая, побѣжали они разсказывать всѣмъ объ этой новой выдумкѣ, и въ одну минуту, какъ по телеграфу, узнали во всемъ домѣ,

что у дѣтей скоро будетъ распродажа съ молотка.

— Я боюсь, задумчиво говорила Саша, достанетъ ли у бабушки денегъ, чтобы скупить всѣ наши работы!

Лиза также призадумалась: — «Вотъ что, Саша, сказала она, — можетъ быть ей твой папа дастъ!» Обѣ дѣвочки рѣшили, что Михайло Павловичъ дастъ то, чего не достанетъ у бабушки.

Задумчиво ходятъ по залѣ Серёжа съ Володей, какъ роемъ вьются надъ ними недавно слышанныя рѣчи; Серёжа молча перебираетъ ихъ и додумываетъ. Володя также думаетъ, но онъ болѣе думаетъ о старушкѣ, которая такъ умно, спокойно и скоро разрѣшаетъ спорныя дѣла. — «Такой бабушки у меня нѣтъ, сказалъ онъ про себя, вздохнувъ, вдругъ остановился передъ Серёжей и проговорилъ: Серёжа, какая у тебя бабушка» — и сталъ искать слова.

— А что? спросилъ тотъ.

— Да я и самъ не знаю что, нерѣшительно отвѣчалъ мальчикъ, —

странная такая, говоритъ и ласково и строго, да притомъ такъ зорко глядитъ въ глаза, что поневолѣ забудешь, что думаешь, — и не знаешь, что ей отвѣчать. Помолчавъ немного, онъ прибавилъ: А я все–таки скажу, что не согласенъ съ нею! Ниночкины балы, да Кокошкины ужины никуда не годятся! вотъ нашли милостыню! хороши благодѣянія! говорилъ задорный мальчикъ.

— Развѣ бабушка назвала ужины да балы благодѣяніями? что ты, Володя, опомнись!

— Ну, не назвала, такъ все равно, не распушила ихъ, какъ слѣдуетъ! Ты, братъ, думаешь, что Ниночка не станетъ толковать со своей француженкой о томъ, что для чувствительнаго сердца ея непремѣнно должно устроить балъ? и посмотри что устроитъ его!

— Вѣдь твою сестрицу не передѣлаешь, сказалъ Сережа; — впрочемъ, какъ же она устроитъ, если никто не согласенъ?

— А вотъ посмотри, какъ уладитъ!

— Ты знаешь ли, Володя, что Ниночка на своемъ вечерѣ довела до слезъ Лину, дочь нашего нѣмецкаго учителя, за то, что та пріѣхала къ ней не въ новомъ платьѣ?

— Экая дрянь! вскрикнулъ покраснѣвшій Володя, постой, я дойму ее!

Долго суетились дѣти, долго толковали объ общемъ дѣлѣ, устроивали, рѣшали, опять разстраивали, и наконецъ дружно распростясь, разъѣхались по домамъ. Тамъ всѣ исподволь угомонились, пріютясь въ своихъ кроваткахъ. Сонъ лѣтнимъ маревомъ стоитъ надъ дѣтьми, и все то, чѣмъ они жили днемъ, то въ одной мутной, несвязной смѣси, то въ отдѣльныхъ, яркихъ картинахъ, — носится надъ спящими въ видѣніяхъ и грезахъ.

Въ просторной, высокой комнатѣ, на небольшой кроваткѣ, подъ бѣлымъ шерстянымъ одѣяломъ съ алыми коймами, лежитъ маленькая Мери, свернувшись бѣлой гусеничкой: крѣпко прикурнула она къ подушечкѣ, засунула подъ нея обѣ ручонки, и вяжетъ во снѣ скорымъ скорешенько свою салфеточку. «Ее ужь

навѣрно купитъ бабушка,» думаетъ малютка.

Сашина дѣтская вся заставлена кроватками, у ней, со смерти Лили, гостятъ сестры, и каждый день дѣти выпрашиваютъ еще ночку или двѣ въ этомъ пріютѣ, — имъ здѣсь такъ хорошо!

Лизина кроватка придвинута близехонько къ Сашѣ; дѣвочки, засыпая, протянули другъ другу ручонки, и крѣпко сцѣпились ими, намѣреваясь проспать такъ всю ночь; но сонъ взялъ свое: руки, ослабѣвъ, расцѣпились и повисли съ кроватокъ, а головки дѣтскія, какъ были сдвинуты на самый край подушекъ, поближе другъ ко дружкѣ, такъ и остались. Нѣсколько поодаль, улыбаясь и закинувъ руки на голову, лежитъ Зина; ей снится нарядный столъ, на которомъ стоитъ много прекрасныхъ вещей, но лучшая изъ всѣхъ работъ поставлена на самомъ видномъ мѣстѣ, — и это ея работа, которою всѣ любуются.

Гости ходятъ вокругъ стола — вотъ, вотъ сейчасъ спросятъ: чья эта работа? Да нѣтъ,

никто не спрашиваетъ, всѣ какъ будто и не видятъ прекрасной работы и проходятъ мимо. Мать Зинина любитъ хвалиться дѣтьми своими, вотъ она достаетъ Зиночкину работу и показывая ее, говоритъ: «Это моя Зина сдѣлала!» Тогда всѣ начинаютъ дивиться, всѣ хвалятъ, окружаютъ и ласкаютъ дѣвочку. Зина не помнитъ себя отъ радости, духъ сперся, самолюбіе едва даетъ ей дохнуть. — Няня, обходя дѣтей, заботливо остановилась надъ простонавшей Зиной, креститъ, приподымаетъ и переворачиваетъ ее на другой бокъ.

Милой Алѣ также снится розыгрышъ, но самый бѣдный: столъ почти пустъ, сбору не будетъ! Какъ быть? Тоскливая забота тѣнью легла на молодое личико; брови сдвинулись, тяжело вздыхая, она подумываетъ во снѣ все ту же вечернюю думу…

Вотъ, что–то радостное мгновенно освѣтило мысль и отразилось на лицѣ Али: «Лина, Лина! быстро вскрикиваетъ она Лина ты такая мастерица, помоги намъ.» И

вотъ снится ей, что работаетъ она въ перегонку съ Линой, а бабушка съ Лининой мамой кроятъ и пригоняютъ дѣтскія работы, которыя быстро спѣютъ. Тихое душевное удовольствіе сказалось не только въ лицѣ, но и въ мягкомъ, покойномъ положеніи всего тѣла ребенка. — «Спи, дитя мое, подъ кровомъ Всевышняго, говоритъ отецъ, крестя свою сиротку–дочь, спи, дитя, что–то снится тебѣ, радость моя!»

Въ кружевахъ и на атласныхъ подушкахъ раскинулась бѣдная Нина: тщеславіе и спѣсь не покидаютъ ее и въ грезахъ.

Ей кажется, что она стоитъ гдѣ–то высоко надъ всѣми дѣтьми, и ужь такая нарядная, какою никогда еще не бывала! на ней все, отъ сѣточки до башмаковъ, все изъ Парижа, все прислано баловницей ея бабушкой. Всѣ смотрятъ на Ниночку, взрослые дивятся ея наряду, пріемамъ, ловкости, ея парижскому выговору, а она, будто ничего этого не замѣчая, небрежно охорашивается. — Какая милая ваша

Ниночка, говорятъ льстивые гости, — у нея совсѣмъ не дѣтскіе пріемы и обращенье, это привычная къ свѣтскому обществу дѣвица!

«Да, самодовольно отвѣчаетъ мать, это было всегдашнею моею заботой и стараніемъ, это первый долгъ матери.» Ниночка спѣсиво поворачивается въ бокъ, она ищетъ глазами дѣтей, видятъ ли они ее, замѣчаютъ ли нарядъ ея. Но дѣти ничего не видятъ, они заняты своими забавами, они весело играютъ, и имъ до Ниночки и нужды нѣтъ. А Ниночка презираетъ дѣтство это, оно кажется бѣдной скороспѣлкѣ пустымъ, ничтожнымъ и глупымъ; ей нужно красоваться и дивить собою людей.

— Глупые! говоритъ она свысока дѣтямъ, сбившимся въ кучку; а оттуда снизу, какъ бы въ отвѣтъ ей, летятъ большіе, радужные мыльные пузыри, летятъ прямо на нее; пузыри лопаются, оставляя по себѣ на нарядномъ платьѣ слѣды мыльной пѣны. Это стрѣляютъ въ нее Володя съ товарищами. «Противный

Володя» кричитъ Ниночка вслухъ, и просыпается.

На тонкомъ, но довольно грязномъ бѣльѣ, лежитъ щетинистая голова; черты лица грубы; толстыя, красныя губы даже и во снѣ шевелятся и причмокиваютъ: Коко видитъ во снѣ свой ужинъ, послѣ розыгрыша; онъ будто прислуживаетъ дѣвочкамъ, выгадывая при этомъ для себя самые лучшіе кусочки; завидя бурачекъ со свѣжей икрой, Коко заваливаетъ ею половину своей тарелки, но, не въ силахъ будучи съ нею справиться, онъ манитъ, мигая и коверкаясь, товарища своего и уходитъ съ нимъ въ уголокъ, уплетаетъ ложку за ложкой, и во снѣ облизывается.

Неподалеку отъ Коко спитъ, храпя, другъ и наперсникъ его, Матюша Мизгиревъ, сынъ управителя. Этотъ несчастный ребенокъ взросъ подъ сѣнью наушничества и колотушекъ; въ немъ все забито, все заглушено, все поросло сорной травой — струны совѣсти и чувства и правды — перержавѣли, и ни на что болѣе не отзываются.

— Ну что же, ну дала, да много ли дала–то! кричитъ онъ, прячась за товарищей. Ему и во снѣ весело, что удалось бросить камнемъ изъ–за угла.

А родители Коко довольны своимъ добрымъ дѣломъ: они пристроили бѣднаго мальчика, услужили нужному человѣку, а главное, дали сынку своему хорошаго подручника.

О если бы они знали, кого пріютили! если бы знали, что изъ ручной скотинки, подъ вліяніемъ такого товарища, со временемъ выйдетъ лукавый звѣрь!

— Дѣлать, такъ дѣлать на–чисто, бредитъ заносчивый, но правдивый Володя, откидывая бѣлокурую, курчавую головку: либо да, либо нѣтъ, а выгадывать тутъ для себя, это — мальчикъ взмахнулъ рукой, но, ударивъ ею сильно объ стѣну, проснулся, и съ досадой спряталъ ее подъ одѣяло.

Что–то снится Сережѣ, бабушкину любимцу, какой видъ милостыни его тревожитъ? Онъ спитъ спокойно, его ничто болѣе не смущаетъ; сонъ, какъ вешній воздухъ, переливается надъ нимъ

прозрачными струйками, холя и убаюкивая его. Мысли и чувства слились въ одно, думы улеглись; легко дышитъ ребенокъ, сладко спится будущему человѣку.

КОНЕЦЪ.

В. ДАЛЬ

[1] См. «Новая скрижаль», архіепископа Веніамина.